

Е. В. Леонтьев

**К изучению структуры семей русских крестьян Сибири
в 17 – первой половине 19 в.**

Насколько позволяют судить источники, в течение очень длительного периода, по меньшей мере, с 17 до начала 20 в., жизнь русской крестьянской семьи обычно протекала в виде упорядоченного цикла с последовательным изменением структуры¹. Исходным моментом этого цикла являлся раздел большого родительского семейства, в результате которого состоявшаяся уже брачная пара с детьми освобождалась от власти пожилого отца и образовывала собственное домохозяйство. Спустя время, при благоприятном стечении обстоятельств, она сама становилась ядром сложного семейного коллектива и подобным же образом давала начало новым малым семьям, повторявшим путь своих предшественников.

Под влиянием конкретных условий интенсивность протекания этого процесса в разные периоды времени и в разных районах страны значительно менялась. В одних случаях женатые сыновья сравнительно рано, в молодом еще возрасте, становились самостоятельными домохозяевами, в других – раздел происходил позднее. Бывало, что и после смерти отца, братья продолжали еще долго жить на одном дворе и вести совместное хозяйство, делились уже их взрослые дети. В зависимости от этого, соотношение семей разных форм, малых и неразделенных, а также средние размеры крестьянских домохозяйств варьировались в значительных пределах. Деревенские общины то состояли преимущественно из многосемейных дворов, то из хозяйств, каждое из которых вела одна супружеская пара с детьми. Причем, нередко те и другие представляли население одной волости, или какого либо иного локального района².

Чаще всего неизменным на протяжении указанного периода оставался лишь сам способ образования новых домохозяйств, предполагавший раздел совместно нажитого имущества членами большой семьи, «отцовской» или «братской». Этим семейные традиции русских крестьян принципиально отличались от описанной Дж. Хайналом «европейской» модели брачного поведения и связанного с нею типа организации домохозяйства. Распространение малых семей в районах, населенных

Леонтьев Евгений Викторович, старший научный сотрудник Минусинского регионального краеведческого музея им. Н. Г. Мартыанова.

Эл. почта: martianov-muzej@mail.ru

¹ Александров В. А. Типология русской крестьянской семьи в эпоху феодализма // «История СССР», 1981. №3. С. 91.

² Там же. С. 85.

великороссами, если оно случалось, почти никогда не было продиктовано поздним вступлением в брак или обычаем передавать хозяйство одному наследнику¹.

Подвижность структурных параметров крестьянских семей в России указывает на то, что регулировавшая их традиция семейно-родственных отношений, обладала определенной гибкостью. Изменяя свою структуру, крестьянские коллективы имели возможность наиболее оптимальным для себя образом адаптироваться к складывающимся природным и социально-экономическим условиям жизни. Анализ этих изменений может способствовать более глубокому пониманию феномена крестьянской семьи в истории нашего общества. Выявить, при каких обстоятельствах члены крестьянских семей считали для себя приемлемым ведение совместного хозяйства, а при каких отдавали предпочтение разделу. Насколько вообще было выраженным их стремление «жить своим двором» в разные периоды времени. С чем это было, связано и насколько устойчивыми являлись представления, определявшие «диапазон приемлемости совместного проживания» крестьян в семейном быту.

Семейные традиции русского населения и, в частности, структура крестьянской семьи на протяжении последних десятилетий привлекали к себе внимание многих сибирских исследователей. В этой связи следует назвать публикации В. А. Александрова, Н. А. Миненко, З. Я. Бояршиновой, А. А. Люцидарской и других авторов². Однако попытки концептуального обобщения полученных ими результатов свидетельствуют о необходимости дальнейших исследований в рамках данной темы. Прежде всего, речь идет о локальных исследованиях, объектом которых выступает население отдельных деревень, сел, приходо-в. При наличии необходимых источников работа с такими объектами, как правило, позволяет более эффективно, чем на макроуровне, проследить жизненный цикл конкретных семей, полнее выявить все нюансы, влиявшие на развитие их структуры.

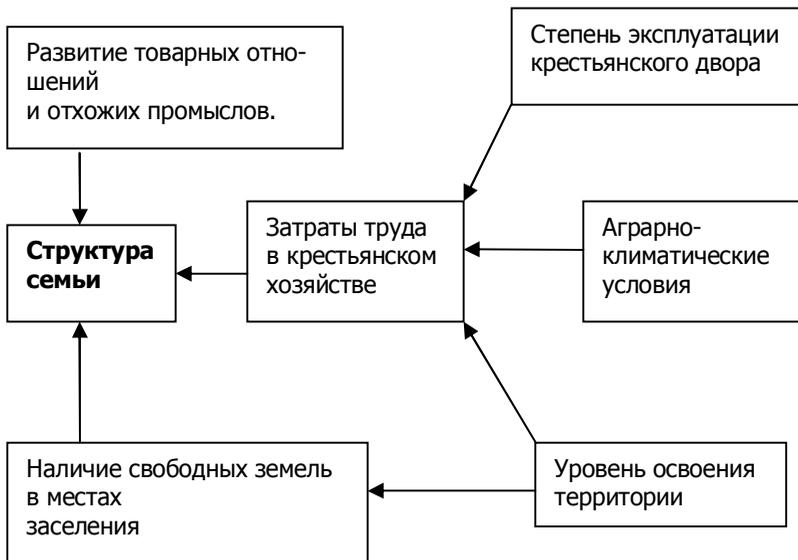
В современной историографии очевидно отсутствие модели, способной не только реконструировать, но и всесторонне объяснить эволюцию семейного строя русских крестьян Сибири в течение столь длительного периода. Вместе с тем, существует возможность указать определенный перечень факторов, игравших в данном процессе весьма важную роль. Нижеприведенная схема носит формальный характер, т.е. является

¹ *Носевич В. Л.* Еще раз о Востоке и Западе: Структура семьи и домохозяйства в истории Европы // *Круг идей. Историческая информатика в информационном обществе.* М., 2001. С.16.

² *Александров В. А.* Русское население Сибири 17 – нач. 18 в. (Енисейский край). М., 1964., *Миненко Н. А.* Русская крестьянская семья в Западной Сибири (18 – перв. пол. 19 в.). Новосибирск, 1979.; *Люцидарская А. А.* Старожилы Сибири: Историко-этнографические очерки. 17 – нач. 18 в. Новосибирск, 1992.

«идеальным типом», который может служить инструментом при проведении непосредственного анализа структуры семьи и связанных с нею условий. Используя ее, мы постараемся далее наметить некоторые пути в проведении этой работы.

Являясь в первую очередь хозяйственным коллективом, крестьянская семья в течение жизни претерпевала изменения, зависевшие во многом от состояния ее экономики. Особое значение здесь имели размеры трудовой нагрузки, которую крестьянам приходилось испытывать в процессе ведения хозяйства.

Известно, что на начальных этапах освоения Сибири первые поколения русских поселенцев обычно старались жить в составе крупных многосемейных дворов. В бассейне среднего и нижнего Енисея, например, в 1719 г. на долю таких дворов приходилось более половины от общего их количества. Среди всех неразделенных хозяйств преобладали те, что велись лицами, состоявшими друг с другом в боковом родстве (братья, дяди-племянники)¹. Вместе с ними, в семьях жило немало людей пришлых (захребетники, половники, присевщики), которые также на определенных условиях участвовали в ведении хозяйства². Сходная си-

¹ Александров В.А. Русское население Сибири... С. 136.

² Этнография русского крестьянства Сибири 17 – середины 19 в. М., 1981. С. 29.

туация в Красноярском старожиловском районе очевидно складывалась и в периоды проведения в нем податных ревизий, - 1747, 1762 и 1782 гг. По данным, опубликованным Г. Ф. Быконой, на каждый крестьянский двор тогда здесь приходилось в среднем 8. 0, 9. 24 и 8. 72 душ обоего пола ¹, что позволяет предполагать значительное распространение неразделенных семей.

Большинство известных нам авторов факты семейной кооперации сибирских старожилов в 17 – 18 вв. объясняют экономической необходимостью, трудностями ведения хозяйства на необжитой территории. Расчистка из-под леса пашенных угодий и обработка таежных залежей действительно требовали от крестьян огромных усилий. Немало сил и времени занимало также несение казенного тягла в виде возделывания «государевой пашни» или работы на заводах.

Тем не менее, как свидетельствуют источники, крестьянские семьи и в этих условиях могли делиться на сравнительно ранних этапах своего цикла. Так, по расчетам А. А. Люцидарской среди землепашцев Туринского уезда в 1701 г. отдельные супружеские пары с детьми составляли около 70% всех семей. У томских крестьян тот же показатель равнялся 90% (1703 г.), у верхотурских монастырских – 84,5% (1710 г.), у тюменских – 84% (1719 г.) ². При этом значительная часть пахотных земель, а также мельницы, рыбные тони, и другое имущество находились у них в совместном владении разных дворов. Подобная практика была характерна как для податных, так и для представителей служилого сословия. Например, среди томских детей боярских совладения братьев, дядьев и племянников составляли почти 1/3 от всех земельных участков, принадлежавших данной категории населения. У конного казачества такой процент был еще выше – до 38 ³.

Очевидно, что после своего образования домохозяйства томских и туринских старожилов продолжали еще долгое время быть прочно связанными между собой. Они не только сохраняли неразделенными часть освоенных ранее земель и промыслов, но и далее, когда это было удобно, приобретали их в совместную собственность. Объединяли свои усилия при расчистке лесных пашен и строительстве заимок. Как отмечает И. В. Власова, распространенность складничества за Уралом в 18 в. была не меньшей, чем в предыдущем столетии ⁴.

¹ *Быконя Г. Ф.* Заселение русскими Приенисейского края в 18 в. Новосибирск, 1981. С. 165, 169.

² *Люцидарская А. А.* Старожилы Сибири ... , С. 97.

³ Там же. С. 101.

⁴ *Власова И. В.* Землепользование в Поморье и в Сибири 17 – 18 в. (Традиции и практика) // *Хозяйство и быт западносибирского крестьянства 17 – начала 20 в.* М., 1979. С. 38.

Таким образом, не исключено, что взаимопомощь и кооперация труда разделившихся родственников вполне могли являться альтернативой неразделенных семей при ведении хозяйства в малообжитой местности. Какая же из форм семейной организации была более распространённой, по-видимому, зависело во многом от местных обычаев и стереотипов поведения.

В течение второй половины 18 в. источники фиксируют постепенное сокращение размеров крестьянских семей в большинстве старозаселённых районов Сибири. Молодые поколения крестьян теперь начинают раньше обзаводиться собственным домохозяйством, и многосемейные дворы становятся менее массовым явлением. Одновременно уменьшается количество земельных совладений¹.

Главной причиной данных изменений исследователи называют сокращение затрат труда в крестьянском хозяйстве. Замена в 1760-х гг. «государевой пашни» оброком и приведение земель в культурное состояние создавали условия, при которых крестьянам приходилось меньше работать для жизнеобеспечения своей семьи². Имея достаточное количество очищенных от леса угодий, они были в состоянии справиться с ведением хозяйства без помощи родственников. Это способствовало более раннему отделению «детей» от родителей и распространению нуклеарных семей.

При кажущейся очевидности данное объяснение, на наш взгляд, нуждается все-таки в некоторой корректировке. Хорошо известно, что в течение 17 – 19 вв. земледелие русских крестьян в Сибири повсеместно имело экстенсивный характер. Динамика сельскохозяйственного производства решающим образом зависела от количества и естественного плодородия обрабатываемых земель. Это означало, что по мере демографического роста новые поколения крестьян должны были с не меньшим упорством осваивать новые территории для того, чтобы иметь средства к существованию.

Материалы податных ревизий свидетельствуют, что с середины 18 в. им все чаще приходилось вести хозяйство вдали от тех мест, куда в свое время впервые пришли русские поселенцы. Примерно в этот же период, как показал в своем исследовании А. Д. Колесников, многие старозаселённые районы Сибири (Тобольский, Тюменский, Туринский уезды) начинают терять население в результате миграции³. Баланс прибытия и выхода мигрантов складывается для них отрицательным. Тот же процесс затрагивает и территорию Енисейского уезда⁴. Испытывая земельное

¹ *Этнография русского крестьянства ...* . С. 21.

² Там же.

³ См. *Колесников А. Д.* Русское население Западной Сибири в 18 – начале 19 в. Омск, 1973. С. 415.

⁴ *Быконя Г. Ф.* Заселение русскими С. 99.

«утеснение», тамошние старожилы активно переходят на пустующие земли в соседних районах. Колонизация в первую очередь охватывает лесостепную юг Западной и Восточной Сибири.

Одним из условий, толкавших крестьян к расселению являлось господство залежно-паровой системы земледелия. Требуя разработки большого количества целинных участков, она способствовала раннему складыванию малоземелья в местах первоначального заселения. Другим условием служило наличие незанятых еще земель в пределах близлежащих территорий, позволявшее решать данную проблему за счет миграции. Следует заметить, что обычно крестьяне избегали дальних переселений. Расселяясь, они преимущественно уходили на несколько десятков, иногда сотен верст от прежнего места жительства. Поэтому в центрах крупных, плотнонаселенных районов миграционная ситуация со временем стабилизировалась¹. Вместо переселений их жители в основном были вынуждены искать иные пути для борьбы с малоземельем; распахивать «худые» менее плодородные земли, сокращать сроки оборота залежных участков. А еще далее переходить к занятию промышленной деятельностью, позволявшей компенсировать сокращение доходов от земледелия.

Именно в хозяйствах таких крестьян затраты труда видимо действительно были меньше, чем в тех, что велись на вновь осваиваемых территориях. Но насколько часто они встречались в Сибири во второй половине 18 – начале 19 в., и как это отражалось на структуре крестьянских семей судить сложно. Каких-либо опубликованных данных по этому поводу у нас нет. Можно лишь предположить, что ближе к окраинам их расселения динамика семейных разделов преимущественно зависела от возможностей дальнейшей колонизации пустующих земель. Отмена «государевой пашни» в этой связи способствовала обособлению молодых семей не только потому, что снимала с них обременительное тягло. Не менее важную роль, быть может, имело содействие этой меры крестьянскому расселению и образованию новых заимок².

Как и в предыдущем случае, решение указанного вопроса, напрямую связано с определением мотивов поведения крестьян в семейном быту. Речь в частности идет о том, чтобы выяснить, что обычно стояло для них на первом месте при разделах сложных семейств, - стремление обрести самостоятельный статус или забота о перспективах развития своего хозяйства.

Испытывая необходимость дальнейшего освоения территории, старожильческие дворы делились, несмотря на тяготы, которые могли воз-

¹ Колесников А. Д. Русское население С. 142.

² Власова И. В. Землепользование в Поморье С. 43.

никнуть из-за нехватки рабочих рук ¹. Меньшую актуальность данная проблема имела для жителей вновь колонизируемых степных районов. Избавленные от изнурительной борьбы с лесом, они легче обустроивались на новом месте. Однако, как свидетельствует статистика, это не обязательно влекло за собой распространение односемейных дворов. По сведениям, которые приводит Н. А. Миненко в Чернолуцкой волости Омского округа в середине 19 в. в среднем на семью приходилось 9,3 душ обоого пола, в Малышинской волости Ишимского округа – 8,7 ². Обе эти цифры указывают на значительное распространение неразделенных семей. Указанные волости, по мнению автора, относились тогда к числу вновь осваиваемых. То же в начале 19 в. можно было сказать о Минусинской и Абаканской волостях Красноярского уезда. Однако там, судя по сведениям местной администрации, крестьянский двор в среднем состоял не более чем из 6-7 человек ³, т.е. его населяла по преимуществу одна семья, состоявшая из супружеской пары и несовершеннолетних детей.

Таким образом, является очевидным, что развитие структуры семей русских крестьян Сибири в 17 – 19 вв. нуждается в дополнительном изучении. Существующая в нынешней историографии концепция данного процесса содержит еще множество вопросов. Надеемся, что изложенный материал сможет оказаться полезным в их последующем разрешении.

¹ Кожухов Ю. В. Русские крестьяне Восточной Сибири в первой половине 19 в. (1800 – 1861 гг.). Л., 1967. С. 359.

² Миненко Н. А. Русская крестьянская семья С. 71.

³ Ватин В. А. Село Минусинское. Исторический очерк. Минусинск, 1914. С. 136.

